

одной из возможных форм замен существующему в белорусском законодательстве определении.

Комплексный, как с этической, так и правовой, медицинской точки зрения, характер данного явления требует от законодателя совершенствования существующих определений эвтаназии и отказа от медицинского вмешательства с целью устранить опасность правовой определённости, которое может возникать в процессе применения данных форм.

Анализ норм права и правоприменительной практики по теме исследования позволяют сделать вывод о том, что трудности в регулировании данной сферы существуют как в государствах, где рассматривается процедура эвтаназии в той или иной форме легально, так и в тех странах, законодательством которых данная процедура, связанная с медицинским прерыванием жизни запрещена.

Список литературы

1. Капинус, О. С. Эвтаназия как социально-правовое явление: уголовно-правовые проблемы : автореф. ... д-ра юрид. наук : 12.00.08 / О. С. Капинус ; Ин-т междунар. права и экономики им. А. С. Грибоедова. – М., 2006. – 60 с.
2. Крылова, Н. Е. Уголовное право и биоэтика: уголовно-правовые проблемы применения современных биомедицинских технологий : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Н. Е. Крылова. – М., 2006. – 410 л.

<http://edoc.bseu.by/>

Е.К. Садовская, Е.А. Чунаева
БГЭУ (Минск)

«ЗАКОН СУДА» В МЕЖДУНАРОДНОМ ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ

В условиях глобализации и постоянного развития экономической, социальной, политической и культурной интеграции на сегодняшний день актуальным остается вопрос определения подсудности дел в сфере гражданского, трудового и семейного права, отягощенных иностранным элементом. Одним из основополагающих правил в разрешении коллизий международного права остается «закон суда», который исследователи нередко называют «принципом международного гражданского процесса» [1, с. 5]. В то же время, несмотря на определенные достоинства (как совершенное знание судом права того государства, на территории которого ведется процесс) [2], существует ряд недостатков данного принципа [3, с. 60].

Однако, на наш взгляд, такие проблемы, как неопределенность языка ведения процесса, являются отчасти надуманными (в ст. 102 закреплено, что никто не отменял участие переводчика в процессе) [4], как и вопрос дороговизны процесса, ведь подобные судебные издержки возлагаются на проигравшую сторону (ст. 135) [4]. В то же время, никто не рассматривает вопрос разности культур, менталитета сторон, что, в принципе, не имеет особого значения для материального права, однако, со стороны процессуального права стоило бы

обратить внимание на этот вопрос в силу того, что, согласно его нормам, вопрос оценки доказательств разрешается судом по его внутреннему убеждению, основанному на всестороннем, полном и объективном исследовании в судебном заседании всех фактов, входящих в предмет доказывания (ст. 241) [4].

О «законе суда» часто говорят, что он предполагает «равное обращение с неравными вещами». В таком случае, возникает вопрос об объективности рассмотрения судьей одного государства доказательств гражданина другого государства, сформировавшегося как личность в другой социальной среде, среди людей с отличным от принятого в государстве ведения процесса менталитетом? Вопрос становится очевиден при взаимодействии со странами мусульманского мира, категоричная разница мировоззрения, воспитания, культуры, не позволит окончательно прочувствовать суть доводов сторон.

Нам кажется наиболее справедливым, с точки зрения права, рассмотрение подобных дел с возможным привлечением:

а) судей государств, гражданами которых являются иностранцы, принимающие участие в качестве заинтересованных в исходе дела лиц;

б) консультанты — специалисты-культурологи, способные объяснить точку зрения иностранного гражданина с позиции его культуры, воспитания и менталитета.

Важно и то, что подобная мера вполне реализуема в условиях нынешней цифровизации, ведь для оценки конкретных доказательств, показаний иностранных граждан и их разъяснения не обязательно участие перечисленных лиц во всем процессе, это может быть простая онлайн-коммуникация при приведении аргументов иностранным гражданином. Данная мера уравнила бы, в том числе и сами стороны, ведь иностранцы могли бы чувствовать поддержку при рассмотрении принципиальных для их воспитания вопросов, которые в нашей стране могли бы являться не столь фундаментальными, и наоборот.

Для наглядности, можем привести наиболее резонансное дело, известное многим, исключительно в качестве примера разницы в менталитете: в 2013 г. гражданка Норвегии, заявившая об изнасиловании в полицию ОАЭ, получила тюремный срок 16 месяцев за внебрачные интимные отношения. В рамках же гражданского судопроизводства обязательным является, на наш взгляд, коллегиальное рассмотрение (с участием представителей разных государств) вопросов определения места жительства детей после развода и иных подобных.

Таким образом, «закон суда» на сегодняшний день не обеспечивает реального равенства сторон в гражданском судопроизводстве, это может быть достигнуто только возможностью привлечения сторонних лиц, хорошо разбирающихся в менталитете и культуре иностранного гражданина, заинтересованного в исходе дела. Подобное «коллегиальное» рассмотрение позволило бы избежать обесценивания важных для иностранцев доказательств.

Список литературы

1. Гражданский процессуальный кодекс Республики Беларусь : Кодекс Респ. Беларусь, 11 янв. 1999 г., №238-3 : в ред. Закона Респ. Беларусь от 18.07.2011 г. // Консультант Плюс : Беларусь. Технология 3000 [Электронный

ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2011.

2. Дискреция — возможность осуществления полномочий, которые хотя и не указаны в прямой форме соответствующими правовыми нормами, но и не запрещены ими. – Режим доступа :<http://ru.wiktionary.org/wiki/ансКреННН>. – Дата доступа: 18.11.2022.

3. Ерпылева, Н. Ю. Понятие, источники и принципы международного гражданско-процессуального права / Н. Ю. Ерпылева // Законодательство и экономика. – 2012. – № 3. – С. 59–69.

4. Светланов, А. Г. Международный гражданский процесс: современные тенденции. – М. : ТОН - Остожье, 2002. – С. 5.

<http://edoc.bseu.by/>

В.В. Смильгинь
БарГУ (Барановичи)

В ГРАНИЦХ ЕДИНОГО ГОСУДАРСТВА: ВОССОЕДИНЕНИЕ ВОСТОЧНОЙ И ЗАПАДНОЙ БЕЛАРУСИ

Существует ряд двойственных суждений о жизни белорусского народа Западной Беларуси в составе Польского государства и БССР. Одни говорят о хорошей и богатой жизни, собственной земле, магазинах полных товаров – в Польше [2]; иные о благах коллективизации, белорусских школах в советской Белоруссии, тракторах на полях [8, с. 437]. В различных источниках и тех и других называют оккупантами, везде говорят о ссылках в лагеря и расстрелах, ущемлении достоинства белорусской нации и т. д.

По вопросу о вхождении западных областей Белоруссии в состав БССР (СССР) осенью 1939 г. до сих пор преобладают два основных подхода в зависимости от утверждения или неприятия автором современных контуров польско-белорусской границы. Некоторые историки, ностальгирующие по великой Речи Посполитой, трактуют это событие как более страшное для польской государственности, чем даже вторжение немецких войск в Польшу. Исследователи, дорожащие суверенитетом Беларуси, оценивают события, предшествующие и последующие за введением частей Красной армии в Западную Беларусь, как успешное восстановление целостности белорусской этнической территории, нарушенной условиями Рижского мирного договора 1921г.

Я не считаю себя в праве отдавать предпочтение какому-либо из мнений или осуждать какой-либо режим. Не думаю, что можно однозначно говорить, где было лучше жить белорусскому народу на вышеназванных территориях, о его правильности или отсутствия выбора. На мой взгляд, история не должна придерживаться какой-либо стороны. История должна быть слепой, как Фемида. Только факты.

Соглашение заключенное 18 марта 1921 г. представлялось руководством Советской России как временная мера. В то время оно верило, что скоро